

Е.В. Носкова

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Исследуется отношение учёных к законотворческой деятельности высшего судебного органа страны – Верховного Суда Российской Федерации. Предлагается однозначно решить вопрос о границах полномочий органов, призванных осуществлять судебную власть в государстве. Приводятся примеры не просто расширительного толкования закона или восполнения пробелов в праве, но даже внедрение норм, прямо противоречащих действующему закону. Предпринята попытка анализа внесенного проекта закона, направленного на существенное изменение сложившейся системы уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость внедрения восстановительного подхода в осуществление правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: полномочия Пленума Верховного Суда РФ, модель уголовного судопроизводства, высшие суды, прецедент, разъяснения суда.

В отечественной науке и практической деятельности по применению уголовного и уголовно-процессуального законодательства сформировалось неоднозначное отношение к законотворческой деятельности высшего судебного органа страны – Верховного Суда Российской Федерации.

Встречаются различные оценки сложившейся практики восполнения пробелов в законодательстве органом судебной власти. Одни заняли философскую позицию, связанную с признанием неизбежности расширительного толкования и необходимостью принятия во внимание и учёта в правоприменительной практике актов высшего органа правосудия [1, с. 4]. Однако заслуживающее уважение созидательное начало не может в надлежащей мере разрешить вопрос о границах полномочий органов, призванных осуществлять судебную власть в государстве, и, безусловно, оставляет без внимания превышение ими пределов собственных полномочий.

Другие одобрительно отзываются о данной ситуации, чем, думается, стимулируют ее развитие. Так, по мнению Т. Маунца, «...толкователь, смотря по обстоятельствам, может понимать Закон лучше, чем понимали его авторы самого текста» [2, с. 108]. Отдельные авторы настаивают на том, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ «способствуют корректированию и унификации практики применения норм УПК, обеспечивая тем самым достаточно эффективную защиту прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства» [3, с. 28], оправдывая представителей судебной ветви власти целями обеспечения единства судебной практики.

Данная позиция подкрепляется положительной оценкой судейского сообщества [4, с. 12], ведь, действительно, Верховный Суд РФ неоднократно разрешал многочисленные вопросы, возникающие у судей судов всех уровней в связи с применением норм УПК РФ¹.

Несмотря на это, зачастую в ходе подготовки рекомендаций для правоприменителя высший судебный орган злоупотребляет своим правом и прибегает к расширительному толкованию закона. Ученые с советских времен указывали на «необходимость ограничения права для высших судебных инстанций на расширительное толкование уголовно-процессуального закона» [5, с. 85], тем не менее и в настоящее время, по справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, Верховный Суд, давая различные разъяснения, нередко выходит за пределы своей компетенции и занимается «вместо толкования закона законотворчеством, что совершенно недопустимо» [6, с. 42]. Это получило достаточно негативную оценку со стороны отечественных исследователей-процессуалистов [7, с. 53], которые помимо прочего отмечали и то, что «Пленум Верховного Суда может дать разъяснение тех положений, которые закреплены в УПК РФ, но не может выполнять функцию восполнения пробелов, допущенных в Кодексе (чего иногда ожидают практикующие юристы), так как это выходит за рамки его полномочий и относится к компетенции законодательного органа» [8]. К сожалению, это не оказало должного воздействия на сложившуюся практику восполнения пробелов. Все чаще можно наблюдать не просто расширительное толкование закона или восполнение пробелов в праве, а даже внедрение норм, прямо противоречащих действующему закону.

В этой связи нельзя не вспомнить И.Я. Фойницкого, который отмечал, что «толкование может про-

¹ См., напр., Постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 05.12.2006 г.

№ 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»; от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 29.10.2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»; от 22.12.2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»; от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» и др.

изводиться по точному разуму и по общему смыслу, что необходимо при неполноте, неясности или противоречии норм закона, причем толкование по точному разуму производится в том случае, когда нет в понимании нормы существенных сомнений, и толкование по общему смыслу свойственно при наличии сомнений относительно действительного значения и объема содержащихся в законодательстве правил» [9, с. 171–177] и предостерегал от опасности смешения функций законодательной, исполнительной и судебной власти, в том числе и в вопросах законотворческой инициативы и толкования норм действующего закона.

Дополнительным аргументом против сохранения и распространения подобной практики становится негативное проявление нестабильности позиций Пленума Верховного Суда РФ. Это усугубляется непостоянством нормативного регламентирования процедуры отечественного судопроизводства. Так, за пятнадцатилетний период действия УПК РФ 2001 года только федеральными законами в него было внесено 190 изменений (использованы данные на 1 марта 2016 года).

Конституция РФ помимо прочего наделила Верховный Суд Российской Федерации правом законодательной инициативы. Именно в рамках реализации данного полномочия Верховный Суд внёс в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (далее – Проект закона). Данный документ, направленный, по мнению его авторов, «на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства Российской Федерации», заслуживает детального анализа, так как его содержание в корне меняет ряд институтов, сформировавшихся в современном праве.

Во-первых, предложено при освобождении от уголовной ответственности в случаях, указанных в ст. 76.2 УК РФ, в качестве мер уголовно-правового характера применять виды наказаний, указанные в п. «а», «б», «г», «д» ст. 44 УК РФ (п. 1). Данной формулировкой, думается, осуществлено отождествление двух принципиально разных уголовно-правовых институтов: наказание и меры уголовно-правового характера. Эта же мысль транслируется в дальнейшем тексте Проекта закона.

Во-вторых, в качестве уполномоченных на производство процессуальных действий Верховный Суд называет лиц, чей процессуальный статус не

определен в разд. II «Участники уголовного судопроизводства». Среди таковых несложно заметить судебных приставов-исполнителей и неопределенный в рамках Проекта закона «специализированный государственный орган». Они, по задумке авторов законопроекта, должны подавать представление в случае уклонения лица от уплаты штрафа или злостного уклонения от отбывания других мер уголовно-правового характера, чем инициировать отмену соответствующих мер и направлять материалы для привлечения лица к уголовной ответственности.

В-третьих, при определении срока и размера вводимых «мер уголовно-правового характера», предлагается использовать в качестве верхнего предела половину срока и размера соответствующего вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Иными словами под мерами уголовно-правового характера предполагается понимать «полунаказание». При этом также следует использовать общие условия и правила назначения, исчисления сроков и зачета наказания, регламентированные в ст.ст. 60, 61, 63 и 72 УК РФ.

В-четвертых, вызывает нарекания субъектный состав применения мер уголовно-правового характера – суд и начальник подразделения дознания. Представляется, что предложенная возможность применения начальником органа дознания мер уголовно-правового характера в виде штрафа размывает понятие правосудие и нарушает формируемую модель состязательного процесса, при которой на практике ограничивается применение примирения сторон в досудебном производстве по уголовному делу.

Несколько обескураживает предложение «заслушивать объяснения» лица, уголовное преследование в отношении которого прекращено, и исследовать материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства дознавателя о применении к этому лицу мер уголовно-правового характера начальником органа дознания в ходе рассмотрения ходатайства о применении мер уголовно-правового характера. Следует отметить, что при этом авторы законопроекта не указывают, каким документом данное процессуальное действие должно быть оформлено. В то же время аналогичное ходатайство следователя предлагается рассматривать судье районного суда в судебном заседании в порядке, предусмотренном ч. 4, 6, 8, 9 и 11 ст. 108 УПК РФ.

В-пятых, сложно не заметить предлагаемое расширение пределов полномочий суда апелляционной инстанции, связанное с наделением правом примирения вплоть до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения по делу, еще более усиливая ревизионное начало суда второй инстанции.

В-шестых, в предлагаемых изменениях УПК РФ видится не только расширение возможностей участников уголовного судопроизводства со стороны как защиты (обвиняемого), так и обвинения (потерпевшего) влиять на ход предварительного расследования и принятие итогового решения по делу, но и

внедрение особой процедуры для допроса потерпевшего по уголовным делам о преступлениях, допускающих примирение сторон.

Кроме того, здесь усматривается расширение дифференциации уголовного судопроизводства путем установления еще двух особых производств: по уголовным делам о преступлениях, допускающих примирение сторон, а также производство о применении мер уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, процессуальная форма которых отличается от обычного производства.

Вышеуказанным Проектом закона Пленум Верховного Суда предпринял попытку расширить перечень оснований освобождения от уголовной ответственности. Важно отметить, что позиция Пленума Верховного Суда направлена на еще большее расширение диспозитивного начала отечественного уголовного судопроизводства, а также на внедрение восстановительного подхода в досудебное и судебное производство по уголовному делу. Это согласуется с более ранней позицией высшего органа правосудия, который предложил под действиями, направленными на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, понимать оказание в ходе предварительного расследования или судебного производства по уголовному делу какой-либо помощи потерпевшему (например, оплату лечения), а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

В целом, следует поддержать идею внедрения восстановительного подхода в судопроизводство по

делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и его элементов по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях (например, подтверждение частичного или полного возмещения причиненного вреда и примирения с потерпевшим в период подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении) [10]. Действительно, ученые неоднократно отмечали, что достижение примирения должно включать в себя и заглаживание причиненного преступлением вреда, но этим оно не должно ограничиваться. Примирение, от «мириться», предполагает прекращение вражды, восстановление согласия, установление мирных отношений, а также призвано обеспечивать восстановление социальной справедливости и снижение степени конфликтности в обществе. Тем не менее рассмотренное предложение видится не вполне адаптированным к современной модели отечественного судопроизводства ввиду отсутствия регламентированной в УПК РФ примирительной процедуры и уполномоченного на ее проведения участника процесса.

Таким образом, Пленум Верховного Суда не просто выступил с законодательной инициативой, а предложил изменения, существенно влияющие на сложившуюся модель уголовного судопроизводства. Несмотря на явную рациональность и экономическую целесообразность ряда вышеуказанных предложений, нельзя не отметить отсутствие концептуального системного подхода к реформированию отечественного процесса. Помимо этого, остается неразрешенным ряд важнейших проблем и, что более опасно, несогласованность ряда уголовно-процессуальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 4.
2. Маунц Т. Государственное право Германии. М.: ИЛ, 1959. 586 с.
3. Давыдов В.А., Дорошков В.В., Колоколов Н.А. и др. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 824 с.
4. Ярцев Р.В. Право и факт: новая система координат апелляции в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2013. № 11. С. 12–16.
5. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.
6. Лопашенко Н.А. Толкование Пленумом Верховного Суда РФ норм об ответственности за незаконное предпринимательство и легализацию // Уголовное право. 2005. № 2. С. 42–44.
7. Францифоров Ю.В. Исторический анализ проблем толкования норм уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 56–58.
8. Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2014. № 1(53) – 2(54).
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 508 с.
10. Шибанова Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 47–50.

ON SOME PECULIARITIES OF THE EXERCISE OF POWERS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 70–73. DOI 10.17223/23088451/7/10

Noskova Elena V., Tomsk State University; West-Siberian Branch of Russian Academy of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: NoskovaElena@mail.ru

Keywords: powers of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, model of criminal justice, supreme courts, precedent, court explanations.

The article investigates the ambiguous attitude of researchers to the legislative activity of the highest judicial body of Russia – the Supreme Court of the Russian Federation. The author believes that it is necessary to clearly define the limits of powers of Russian judicial bodies, which implies not just a broad interpretation of the law or filling gaps in the law, but even the introduction of provisions that are contrary to the applicable law. The author makes an attempt to analyse the submitted draft law aimed at significant changing the current criminal legal proceeding and substantiates the necessity to introduce the restorative approach in the administration of justice in criminal cases.

It is often the case when the highest judicial authority abuses the right and relies on the broad interpretation of the law to prepare recommendations for law enforcers. Since the Soviet era the researchers have been pointing to the need for restricted right of the highest courts to use the broad interpretation of the criminal procedure law; however, nowadays, the Supreme Court often goes beyond the limits of its competence and, instead of interpreting, creates the law, which is totally unacceptable. It got a negative assessment by the domestic researchers of the procedure, who, among other things, pointed out that the Supreme Court Plenum can give an explanation of the provisions enshrined in the Code, but cannot fill the gaps in it (though practicing lawyers sometimes expect it), as this is beyond the scope of its powers and refers to the competence of the legislature. Unfortunately, it did not have a proper impact on the current practice of filling the gaps. We can increasingly observe not only cases of a broad interpretation of the law or filling gaps in the law, but even the introduction of provisions contrary to the applicable law.

Another argument against the preservation and dissemination of this practice is an unstable position of the Plenum of the Supreme Court. This is aggravated by the variability of the normative regulation in the domestic judicial procedures. Thus, over fifteen years of the Code of Criminal Procedure 2001, it has been amended 190 times through federal laws (as of March 1, 2016).

REFERENCES

1. Leist, O.E. (1991) Tri kontseptsii prava [Three Concepts of Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. p. 4.
2. Maunts, T. (1959) *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [The State Law of Germany]. Translated from German by Yu.P. Uryas. Moscow: Inostrannaya literatura.
3. Lebedev, V.M. (ed.) (2013) *Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii. Aktual'nye voprosy sudebnoy praktiki, rekomendatsii sudey Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na osnove noveyshey sudebnoy praktiki* [The practice of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Topical issues of jurisprudence, recommendations of the Supreme Court judges on the application of criminal procedural law based on the latest jurisprudence]. 6th ed. Moscow: Yurayt.
4. Yartsev, R.V. (2013) Pravo i fakt: novaya sistema koordinat apellyatsii v ugolovnom sudoproizvodstve [Right and fact: new system of appealing in the criminal judicial proceeding]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 11. pp. 12-16.
5. Lazarev, V.V. (1972) *Primenenie sovetskogo prava* [The use of Soviet law]. Kazan: Kazan State University.
6. Lopashenko, N.A. (2005) Tolkovanie Plenumom Verkhovnogo Suda RF norm ob otvetstvennosti za nezakonnoe predprinimatel'stvo i legalizatsiyu [Interpretation of the norms on liability for illegal business and legalization by the Plenum of the Supreme Court]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 42-44.
7. Frantsiforov, Yu.V. (2014) Istoricheskiy analiz problem tolkovaniya norm ugolovno-protsessual'nogo zakona [Historical analysis of the problems of interpretation of the Criminal Procedure Law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 4. pp. 56-58. DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11236
8. Grudtsyna, L.Yu. (2014) Soderzhanie i klassifikatsiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii [The content and classification of civil society institutions in Russia]. *Obrazovanie i pravo*. 1(53) – 2(54).
9. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Al'fa.
10. Shibanova, E.V. (2014) The role of the Supreme Court of the Russian Federation in the filling gaps of the legislative machinery of the Criminal Code and Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 10. pp. 47-50. (In Russian).